

перекресток

перекресток

надежда

выбор

судьба

счастье

вера

любовь

ВЛАДИМИР ЧЕПОВОЙ | АННА ЯСНАЯ

Владимир Чеповой

Перекресток

«ЭКСМО»

2012

Чеповой В. В.

Перекресток / В. В. Чеповой — «Эксмо», 2012

Жизнь – это неограниченное количество перекрестков, на каждом из которых человек неизменно сталкивается с выбором: в какую сторону свернуть и по какой дороге продолжить свой путь. Это поистине судьбоносный момент, который очень важно не пропустить и принять правильное решение. «Перекресток» – одна из гипотез, отвечающих на вопрос: «Зачем мы приходим в этот мир и в чем смысл нашего существования?» Увлекательный сюжет, философский подтекст. Какой выбор сделает герой? Что выбирает каждый из нас?

© Чеповой В. В., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Владимир Чеповой, Анна Ясная

Перекресток

Я решил написать не привычное предисловие, а только послесловие к этой книге. Когда вы прочтете «Перекресток», уверен, сможете меня понять.

Владимир Чеповой

Глава 1

Инсайт

Каждый человек, появляющийся в твоей жизни, все события, которые с тобой происходят, – все это случается с тобой потому, что это ты притянул их сюда. И то, что ты сделаешь со всем этим дальше, ты выбираешь сам.

Ричард Бах. Иллюзии

Игроки замерли, наблюдая за тем, как шарик монотонно крутится на рулетке. Наконец он остановился...

– Ну, мужик, ну ты даешь! – только и смог вымолвить ошарашенный Жора-Царь. – Это же 66 тысяч «зелени»!

– Я поставил на свое любимое число, – усмехнулся Клим. Пожалуй, он был единственным из присутствующих, кто с самого начала и до конца сохранял полное спокойствие и невозмутимость.

– Фартовый ты парень! – не унимался Царь. – Обыграть казино практически невозможно, но, видно, фортуна, как и все твои бабы, от тебя просто без ума! Поздравляю, тебе действительно чертовски везет! – и он хлопнул товарища по плечу.

Клим ответил тем же, но почему-то слова «чертовски везет» его впервые покоробили. Как говорил старый друг Сема, «с лукавым шутки плохи». А вот везение – что правда, то правда. Госпожа Удача действительно к нему очень благосклонна, и этот выигрыш – очередной ее знак.

– Смотри не увлекись этим делом, – с завистью и иронией посоветовал Жора, глядя, как Клим с трудом утрамбовывает в борсетку и рассовывает по карманам свой выигрыш. – А то игроманом можешь стать!

– Прикол удался, – рассмеялся Клим, заказывая напоследок бутылку вискаря «от победителя». – Тем более что я страдаю другой вредной зависимостью – работоманией. Совмещать опасно.

– Кстати, работоман, завтра наутро наша «стрелка» остается в силе? Я присмотрел для тебя несколько симпатичных земельных пятачков за городом. Для твоей будущей усадьбы – то, что надо!

– Давай в обед, потому что утро у меня уже занято – надо забежать к врачу.

– Ты что, заболел?

– Да нет, это так, пустяки, для общей профилактики...

* * *

– Как вы себя чувствуете? – с порога спросил доктор, не отрывая глаз от снимков.

– Нормально! – несколько вызывающе ответил Клим. – А что?..

– Потери сознания, кровотечения не было в последнее время? – Иван Иванович отложил снимки.

– Ну что, док, жить буду? – проигнорировал вопрос Клим, глядя в упор на заведующего отделением.

– Климентий Александрович, – сказал доктор, выдержав короткую паузу. – Комплексное обследование, которое вы прошли, позволило нам получить полную картину головного мозга и сделать окончательный диагноз. Так вот... Картина неутешительная... У вас опухоль – злокачественная. Хотя я до последнего момента надеялся ошибиться...

– Значит, у меня – рак?

– Да.

Воздух сгустился и обрушился на голову железобетонной плитой.

– Сколько мне осталось? – Клим сам не узнал свой голос и сделал глубокий глоток из протянутого стакана воды. – Только давайте конкретно и без хождений вокруг да около. Мне нужно знать.

– Точно этого никто не знает. К сожалению, упущено очень много времени. Вы слишком долго игнорировали первые симптомы, характерные для начальной стадии. Это же надо – целый год терпеть постоянные головные боли и не обращать внимания на тошноту!

– Какая у меня сейчас стадия? – резко перебил Клим.

– Третья. Вы – достаточно умный и сильный человек, поэтому и сами прекрасно понимаете, что это значит... Конечно, самый оптимальный вариант – оперативное удаление опухоли. Но биопсия чаще выполняется на ранних стадиях заболевания и после предшествующей лучевой или химиотерапии, чего мы не успели сделать.

– Давайте по-русски! – оборвал Клим, меряя быстрыми шагами кабинет заведующего. – То есть череп вы мне, слава Богу, вскрывать не будете?

– К сожалению, опухоль слишком запущена и очень труднодоступна для полного удаления... Клим Александрович, прошу вас, присядьте, пожалуйста, и успокойтесь – безвыходных ситуаций не бывает.

– Да я и так почти покоен! – огрызнулся Клим и тут же осекся: – Простите, док, просто мне не каждый день объявляют смертный приговор...

– А я вам его и не объявляю! У вас – молодой и крепкий организм, будем бороться...

Остальное происходило как во сне, а может, как в кино. Буквально пару дней назад он смотрел фильм с таким же началом. Клим вошел в состояние штопора. Как из вязкого тумана или из дальней комнаты, до него эхом долетали некоторые обрывки фраз Ивана Ивановича: «современные методы лечения...», «попробуем подключить радиотерапию...», «у меня в практике были случаи чудесного исцеления...», «эффект плацебо – великая вещь...». Его мозг категорически отказывался слышать и воспринимать весь этот поток информации. «Я сейчас проснусь, – мелькнуло в сознании Клина, – и закончится весь этот кошмар...» Он изо всех сил сжал кулаки, так, чтобы почувствовать боль в ладонях, но...

– Нужно мобилизовать все свои внутренние ресурсы, и тогда вероятность выздоровления существенно возрастает, – откуда-то прорвался решительный голос доктора. – Границы возможностей больного простираются гораздо дальше, чем простое следование всем врачебным рекомендациям. Клим, с этой минуты вы должны принять активное участие в борьбе за жизнь и взять на себя ответственность. Ответственность за то, чтобы проанализировать или даже пересмотреть те из представлений и чувств, которые лично вам мешают бороться за жизнь. Вы меня простите за эту, может, не совсем уместную лекцию, но жалостью тут не поможешь...

– Я в ней меньше всего нуждаюсь! – отрезал Клим вместо прощания.

* * *

Он шел на «автопилоте». Шел долго и медленно. Куда? Зачем? Он не знал, вернее, не соображал. Первый раз в жизни он не соображал, куда идет!

«Какая глупость! Это нелепая случайность! Это не со мной... ЭТОГО НЕ МОЖЕТ СО МНОЙ ПРОИЗОЙТИ!!! НИКОГДА!!!»

«Но ведь произошло! – шепнул внутренний голос не без доли иронии. – Ты думал, что у тебя все чисто и гладко? А вот на тебе, получай – красный стоп-сигнал...»

– Идиот! Жить надоело?! – испуганно выкрикнул водитель, заглушая пронзительный скрип тормозов.

Клим безразлично посмотрел на яркие фары автомобиля, практически уткнувшиеся ему в бок, и совершенно не в тему вспомнил, что сегодня ему надо было забрать свой «джип» со станции техобслуживания.

Надо было... Было надо... Да НИЧЕГО уже не надо! И никому он уже не должен. И не будет должен. СКОРО. НИКОГДА.

...Клим оказался в глубине старого парка, знакомого ему с детства. Остановился, посмотрел по сторонам. Тишина и покой; остатки золотой осени медленно кружили в виде серебристых паутинок и желтых листьев. «В последнюю осень...» – промурлыкало подсознание известную строчку из репертуара «ДДТ».

«А эта осень у меня действительно ПОСЛЕДНЯЯ!» – на удивление спокойно подумал Клим и глубоко вдохнул воздух с запахом влажной свежести. И вдруг с выдохом заорал... Нет, это долго сдерживаемый крик сам наконец вырвался на свободу. Это был пронзительный и страшный рев раненого зверя, исходивший из самой глубины его сердца. Где-то вдалеке тревожно отозвались вороны и разлетелись в разные стороны с верхушек деревьев.

Немного отпустило. Когда-то очень давно, еще на заре юности, он таким образом снимал накопленное напряжение – уходил далеко в лес и выкрикивался в пустоту до изнеможения, до тех пор, пока не чувствовал полного облегчения и освобождения от негативных эмоций. Он нащупал в кармане смятую пачку сигарет. Та оказалась пустой. «Вот черт! – мысленно выругался Клим. До спазмов хотелось курить. – Но раз еще остались какие-то желания – значит, я пока жив!»

– А ну цыц! – прокричал он, адресуя команду собственному мозгу. Последняя, не последняя – какая уже, на фиг, разница? Еще не хватало впасть в сентиментальную дурь и преждевременно вытянуть ноги!

«Итак. Подводим итоги, – он изо всех сил старался навести относительный порядок в голове. – Мягко скажем, диагноз, конечно, хреновый... Но я пока что нормально функционирую, не утратил способность соображать и действовать. А то, что упустили время для операции... Даже к лучшему! Док сам говорил, что последствия могли быть самыми непредсказуемыми, и лучше прожить отведенный остаток в здоровом уме, чем в растительном состоянии... Забавно получилось! Еще утром я даже представить себе не мог, что через каких-то несколько часов буду терзать себя вопросом: как провести оставшееся время? Вот она, непредсказуемость жизни...» – уже более отстраненно подумал Клим, покупая сигареты в ближайшем киоске.

«Интересно, а как поступает человек, когда узнает, что его счетчик включен и пронзительно тикает, отсчитывая последние дни, часы, минуты и секунды жизни? – чуть позже спросил он у себя, с наслаждением выпуская в воздух седые кольца сигаретного дыма. – Сколько моделей поведения существует, сколько разных ситуаций! Наверняка большинство напивается до чертиков и заливают слезами все подушки; кто-то строчит завещание и пишет прощальные письма, кто-то «приходит к Богу» и проводит остаток своих дней в благоговейном состоянии святого мученика, кто-то напоследок бросается во все тяжкие... А мои действия? Рыдать не

буду – это сто процентов, письма писать некому, да и не люблю, а бросаться в «тяжкие» – и без того бери не хочу в моей жизни! Церковь. Идея неплохая, но... Все эти исповеди, причастия и духовные очищения, о которых любит рассказывать мама, дело хорошее, но уж очень далекое от моего мироощущения и восприятия. Хотя, наверно, жаль, что я так и не успел наладить деловые контакты со Всевышним...»

Он зашел в маленький пивной бар и заказал бокал пива – время приостановилось, и ему вдруг захотелось растянуть это непривычное для него состояние «ничего неделания». Полутемный зал был пропитан застоявшейся смесью перегара и дешевого табака. Толстая и медлительная официантка с сонным лицом лениво смахнула пепел и крошки с барной стойки и поставила перед ним пенящийся бокал. «А пиво-то у них – гадость редкая, да и посуда плохо вымыта», – усмехнулся Клим, рассматривая липкие разводы на стекле. Вчера он даже не посмотрел бы в сторону подобного заведения, а если бы ему в каком-то ресторане подали напиток не по вкусу... Но это было вчера.

Клим опять усмехнулся и закурил, чтобы заглушить хорошим табаком прогорклый пивной привкус. Он почему-то вспомнил, как совсем недавно, на его дне рождения, один из гостей провозгласил тост: «Наконец по возрасту ты сравнялся с Христом! Это обязывает ко многому, поэтому желаю тебе завершить дело каждого настоящего мужчины – посадить дерево и вырастить сына. А остальное у тебя и так уже есть!»

«Вот я дурак! – подумалось теперь Климу. – Говорили же мне: не отмечай эту дату – примета плохая! Так нет же, меня, как всегда, понесло... И что? Дерево так и не посадил, а сына даже в планы не успел включить. Зато домов понастроил – светлая мне память!»

Клим отличался завидной способностью быстро собираться в любых экстремальных ситуациях и выпускать наружу всю свою иронию и сарказм, что помогало не задерживаться надолго в критическом состоянии. Здесь, конечно, были несколько иные обстоятельства, но все же... А может, это вонючая забегаловка и горькое пиво пошли на пользу – тумблер переключился, сознание прояснилось. И вот он уже вернул звук своему мобильному телефону. Кто бы сомневался – куча неприятых вызовов и полученных сообщений! Как всегда, он нужен половине города и его окрестностям. Клим глубоко вдохнул и, сбросив остатки оцепенения, уверенно остановил такси.

* * *

– Сегодня у босса аукцион невиданной щедрости! – откровенничала на офисной кухне молоденькая секретарша Лидочка. – Собрание отменил, отчеты не потребовал и меня на час раньше согласился отпустить без своего коронного: «А на каких основаниях?»

– ...Даже платежки подписал не глядя! – подхватила главбух Тамара Михайловна. – Щось у лісі здохло...

– А вы все-таки не расслабляйтесь, девочки, – вклинилась в разговор менеджер по персоналу Ирина. – Не сегодня завтра этот аукцион быстро закроется! Наш стальной босс и человеческий гуманизм – понятия несовместимые.

Клим закрылся у себя в кабинете, строго-настрого приказав никого не впускать и не соединять с ним по телефону по крайней мере в течение ближайшего часа.

Несколько минут он просто рассматривал себя в зеркале, как будто бы впервые увидел свое отражение. Да нет, ничего не изменилось... На него смотрел слегка уставший, но весьма интересный молодой мужчина: высокий, хорошо сложенный, с тонкими волевыми чертами лица, на котором особенно выделялись очень выразительные глаза – светло-серые, пытливые и пронзительные, будто держащие все на прицеле.

«Говорят, что на онкобольных есть особая печать», – размышлял Клим.

«Печать смерти», – подсказал внутренний голос, и Клим вздрогнул, как от резкого удара. Он отвернулся от зеркала и направился к своему рабочему столу, достав из шкафа начатую бутылку коньяка – в последнее время это стало проверенным средством от внезапных приступов боли. Пятьдесят капель приятным теплом разлились по телу, но не освободили от свинцового давления где-то в глубине головы.

«Все превратится в прах... – выскользнули из подсознания известные строки. – Как это? Не видеть, не чувствовать, не думать?..» Мелкая леденящая дрожь... Как с ней бороться? Сейчас он ощущал себя совершенно незащищенным и беспомощным, как брошенный ребенок. Он, Стальной босс, президент и полноправный хозяин крупной процветающей компании. Ее название у всех ассоциировалось с обязательными успехом и победой – «Виктория». Карьеру он начал рано, продвигался быстро и стремительно, поэтому к 33 годам достиг того, о чем многие в этом возрасте только начинают мечтать. Сертификаты, грамоты, награды... «Лучшая инвестиционно-строительная компания», «Успех года»...

– Твою!.. – громко выругался Клим и со всего размаху врезал кулаком в стену. И это что, тоже все прахом пойдет?! Все его победы, достижения, накопленный капитал... Кому это все теперь нужно и, кстати, кому достанется? Его матери, единственному родному и любящему человеку, которая вряд ли сможет пережить его смерть? Его так называемым замам и помощникам, не вложившим в становление дела, если разобраться, ни одной своей извилины, ни частички своей энергии? Или, может, все раздать по кусочкам своим любимым женщинам? Так их всех не припомнишь, да и какие они, к черту, любимые...

Деньги, капитал... Да при чем тут это? Не хватает чего-то очень важного и главного, ради чего, наверное, и стоило жить, ради чего и теперь стоит бороться... Но что это? Зачем надо было жить?..

Его мысли внезапно прервала Лидочка, постучавшаяся в дверь:

– Климентий Александрович, Пал Палыч грозится влезть через окно! Говорит, что неотложное дело – государственной важности.

– Ладно, пусть влазит, но только – через дверь! – поморщился Клим.

Через несколько секунд он, не скрывая недовольства, смотрел на исполнительного директора компании.

– Ну и что у тебя за горящее дело республики?

– А с тобой все в порядке? – настороженно спросил Трухин, вываливая на стол большую пачку документов. – С налоговой проблемы или наш любимый банк преподнес новые сюрпризы?

– Павел, у меня нет никаких проблем! – отрезал Клим. – А если и возникают, как ты выражаешься, сюрпризы, то я их тут же решаю. Или ты об этом до сих пор не знаешь? Давай по существу.

– Ладно, Клим, это я так, к слову... – сконфуженно замялся Трухин, прекрасно зная, что такой прищуренный и стальной взгляд босса не предвещает ничего хорошего. – Просто ты сегодня немного... обеспокоенный.

– Да, я слегка обеспокоен тем, что ты нарушил необходимое мне уединение, – с этими словами Клим взял первую бумагу из увесистой пачки, скользнул взглядом по документу. – Я так понимаю, что с «Нептуном» возникли накладки?

– Если это вообще можно назвать накладками! – выдохнул Трухин и моментально покраснел, покрылся испариной.

«Видно, большие проблемы», – отрешенно подумал Клим, уже досконально изучив реакцию своего сотрудника на различные ситуации.

– Ну!.. – Клим настойчиво буравил сталью прищуренные от испуга глазки.

– Мы проиграли этот тендер! – залпом выпалил Трухин и покраснел еще больше в ожидании взрыва.

Клим продолжал молча на него смотреть, и исполнительный директор, воспользовавшись неожиданной паузой, торопливо заговорил:

– Климентий Саныч, я знаю, как для тебя и для всех нас был важен этот объект, но дело приняло совершенно неожиданный оборот, и ситуация резко вышла из-под контроля. Какая-то крупная западная фирма по гостиничному строительству пронюхала, что на территории Крыма «завалаяся» такой лакомый земельный кусочек, и в последнюю минуту перекрыла нашего «Нептуна». Сегодня с утра перезвонил сам Олейник, сказал, что к тебе дозвониться не может, принес свои извинения и, грубо говоря, поставил нас перед «факью». Шкура продажная! Я понимаю, что он на импортные миллионы купился, а то, что мы с ним уже по рукам ударили...

– Ну и что? – спокойно сказал Клим, втайне наслаждаясь округлившимися от удивления глазами Трухина. – А где ты сейчас видел, Паша, людей, умеющих хранить силу рукопожатия и слова? Безнадежно, говоришь? Тогда немедленно уладь все вопросы, связанные со строительством, и постарайся чем-нибудь занять и утешить «Астру-Нова», пока там еще не успели настроить наполеоновских планов. Да расслабься ты, а то сидишь, как начинающий йог на гвоздях. Теряют иногда и больше!

Наверное, если бы в этот самый момент над городом пролетела стая свиней, Трухин удивился бы гораздо меньше. В критических обстоятельствах (хотя они случались крайне редко) президент, или Стальной босс, как его называли в кулуарах компании, действовал быстро, решительно и жестко. Он тут же увольнял непригодных сотрудников (неужели его, Пашу, пронесло?), ставил на уши всю компанию и мгновенно начинал действовать, после чего всеми правдами и неправдами разруливал в свою пользу самые тяжелые и запутанные ситуации. «А тут ноль эмоций и, что самое непонятное, ноль реакции», – растерянно думал Трухин, взирая на президента, напоминающего молчаливого сфинкса на своем пьедестале. А ведь все в компании знали, насколько важна эта сделка для босса: строительство крупнейшего гостинично-развлекательного комплекса «Нептун» на благодатных крымских землях было делом номер один последних нескольких лет их работы. Сколько сделок Клим для этого провернул, сколько переговоров провел, всю крымскую власть, наверное, напоил и накормил... А их дочернее строительное предприятие «Астра-Нова»? Спит и видит себя на «стройке века»! «Наверное, это мне тоже все снится!» – Трухин лихорадочно пытался найти объяснение столь феноменальному явлению.

– Кстати, Паша, – как ни в чем не бывало и совершенно благодушным тоном сказал Клим, – организуй-ка наших ребят сегодня на вечер. Давненько мы не отдохали просто так, по-человечески! Начнем с казино, а там – куда душа попросит. Гуляем до утра – я угощаю!

Трухин окончательно лишился дара речи.

– У тебя что, какой-то праздник?! – проямлил он, силясь оторваться от стула.

– Жизни! – усмехнулся Клим и хлопнул ошалевшего сотрудника по плечу.

– Ну что? Ты сам вышел или тебя вынесли? – прямо в коридоре набросился на Трухина осунувшийся от напряжения первый зам Левченко.

– Лева, можешь спать спокойно, по крайней мере эту ночь, – пробормотал Трухин, пытаясь прийти в себя. – Сегодня нас не увольняют, потому что у шефа намечается грандиозный праздник жизни, на который – дыши глубже – мы все приглашены! Ох, чует мое сердце что-то неладное... Видно, Саныч таким изощренным образом решил организовать корпоративные похороны.

* * *

«Значит, «Нептун» ушел под воду», – задумчиво резюмировал Клим, оставшись один в кабинете и машинально раскладывая бумаги по папкам. Сегодня жизнь открыла для него еще одну, доселе неизвестную, свою сторону. Оказывается, то, что было навязчивой манией долгие месяцы и казалось крупнейшей жизненной целью, может лопнуть за одну секунду как мыльный пузырь. А для этого Ивану Ивановичу понадобилось произнести всего три слова... «Рак. Головного. Мозга», – тут же подсказал услужливый внутренний голос, вероятно затосковавший за последние несколько часов своего бездействия. А Клим почувствовал, как к его щеи прикоснулись липкие и холодные пальцы СТРАХА, а на голову навалилась тяжелая бесформенная масса.

«Моя задача номер один – не оставаться наедине со своими мыслями и все силы бросить на работу, даже если придется делать вид, что мне все это по-прежнему не безразлично», – твердо решил он, залпом выпивая рюмку «дежурного» коньяка. Но он прекрасно понимал, что как раньше уже ничего не будет.

«Вот как оно с непривычки бывает: и с «Нептуном» облажался, и Пашку чуть до смерти не напугал...» – нервно рассмеялся Клим.

«Кстати, о СМЕРТИ, – тут же подумал он, еще раз наполняя рюмку, – вот не станет меня – и что будет с «Викторией», кому достанется «Астра»? Они же как мои родные дети – в них столько сил и энергии вложено! Даже доверить и порекомендовать некому!.. Вот достанется им такой слабый и трусливый «отчим», как Трухин, или лицемерный и скользкий Левченко, если ему, конечно, подлый Скорик глотку не перережет; или того хуже, вообще все развалится... А ведь все это – дело моей жизни! И нет никого достойного... Хотя разве раньше не знал?! Сам же и обложился этими хамелеонами и ехиднами, думал, что такими будет легче управлять. Управлять, как оказалось, действительно легче, а вот доверять...»

– Эх, Сема, Сема! Как ты был прав! – вслух произнес Клим и поднял рюмку навстречу невидимому собеседнику. – За твою мудрость и прозорливость, мой друг, и за мою смертельную глупость!

* * *

– Ты еще здесь? – сухо спросил Клим, мимоходом выключив орущий на всю громкость телевизор.

– А где я должна быть? – Наночка, очаровательная 23-летняя нимфа, освежающая его холостяцкую берлогу последние полгода, с кошачьей грацией сползла с дивана.

– У мамы. Если я не ошибаюсь, ты давно к ней собиралась. Так вот сейчас – самое время, – ответил Клим, выбирая в шкафу свежую рубашку на запланированную вечеринку.

– У-у-у, папочка сегодня не в духе! – надула полные губки девушка и подошла к Климу, кокетливо покачивая бедрами. – Опять головка болит? Так я тебя мигом вылечу!

Она призывно распахнула полупрозрачный пеньюар. Клим скользнул взглядом по идеальным формам и отступил в сторону.

– Спасибо. Я сам себя вылечу. Лучше расскажи, как прошел твой день.

В последнее время Наночкины прелести перестали вызывать у него эротические фантазии, а сегодня она вообще провоцировала плохо скрываемое раздражение.

– Чудесно! – оживилась Нана. – Я наплавалась в бассейне, наболталась с Кирой и нагулялась по магазинам. Шопинг получился просто великолепным. Хочешь посмотреть? – она указала на разбросанные по комнате пакеты внушительных размеров.

– Нет, не хочу! Забирай последствия своего шопинга и собирайся к маме. Мне нужно побыть одному – всерьез и надолго.

– У тебя кто-то есть? – Красиво татуированные бровки Наны нахмурились изящным мысыком.

– Да, есть...

– Я ее знаю? – Наночка зашипела, как дикая кошка, и пошла в наступление.

– Не знаешь! И не узнаешь еще как минимум лет пятьдесят. По крайней мере я тебе этого искренне желаю, – ответил Клим, надевая пиджак.

– Дурак! – фыркнула девушка. – Столько не живут!

– В том-то и дело, дорогая! – Клим уже направлялся к двери. – Свой ключ оставишь у консьержки. И, пожалуйста, давай обойдемся без глупостей и лишних истерик!

«Даже о самочувствии моем всерьез не поинтересовалась. Ну, хотя бы так, для приличия... – беззлобно отметил Клим, выйдя из парадного. – Хотя... Что тут удивительного? Не у нее же болит!»

Он почувствовал заметное облегчение, избавившись от настырной подруги. «Хорошо, что сделал это именно сегодня! Вот он, великий день больших перемен!»

* * *

– ...А я уж было подумал – мы тебя теряем! – пробасил хорошо подвыпивший Левченко, по-панибратски обнимая Клима за плечи. – Пашка вышел сам не свой, все, говорит, каюк «Нептуну», и все мы – под воду! Клим, ты же знаешь, я, если надо, первый кому скажешь в глотку вцеплюсь!

– Давайте еще выпьем, – предложил Клим, с трудом отрывая от себя зама.

– За что пьем? – спросил Васильев, генеральный директор «Астры», который за несколько часов непрерывного кутежа в клубе провозгласил все известные ему тосты, но так и не понял истинную причину большого сбора.

– За жизнь, Сергеич, знаешь такое слово – ЖИЗНЬ? – громко сказал Клим. Ударная порция алкоголя таки исполнила свою миссию милосердия: вытеснила головную боль, притупила воспаленное сознание. – Иногда бывает очень полезно вспомнить о ЖИЗНИ... Вспомнить, пока она не повернулась спиной...

– Ну, за нее! – подхватил услужливый Левченко, пропустив смысл сказанного, и тут же льстиво добавил: – И за наш генеральный мозг – за тебя, босс, за твою неизменную удачу!

– По-твоему, она мне никогда не изменяла? – спросил Клим, наклонившись к своему помощнику.

– Кто? – удивленно переспросил Левченко. – Удача?! Да тебе никто и ничто не может изменить, Клим! Ты же у нас баловень судьбы, любимец женщин и фортуны!

– Ох, избавь меня, Лева, от этого приторного пафоса. – Клим почувствовал, как через хмельной туман опять начинает прорываться раздражение. Большинство из этих его друзей-товарищей – конкретные прихлебатели и лицемеры. Пьют за его счет и живут за его счет, держа наготове камень за спиной, так, на всякий случай...

– Да, судьба меня действительно балует, – иронично заметил Клим, – она великодушно сокращает мое время пребывания в этом болоте...

– Так что, «на коня»? – Трухин по-своему истолковал эту фразу, разливая по рюмкам остатки спиртного.

– Вот именно! – воскликнул Клим. – А это возьми себе на завтрашний чай или жене на цветы, – он засунул ему в карман стопку долларов, выигранных час назад в клубном казино.

– Ни фига себе – сказал я себе! – изрек ошарашенный Павел, рассматривая деньги. – Ты это серьезно?.. Ну, если для тебя уже штукарь лишней! Правду Лева говорит – везунчик! И в казино с одного раза жирный куш срываешь, и бабки не считаешь...

– Зато я теперь считаю кое-что другое, то, что гораздо важнее, чем эта гнилая «капуста», – но тебе этого пока не понять...

– Ура! «На коня» за нашего ангела-хранителя! – взревел Трухин, шустро переложив внезапно свалившиеся деньги во внутренний карман пиджака.

«...А вот мне бы сейчас действительно не помешал свой собственный ангел, – думал Клим, простившись с надоевшей компанией, – этакий персональный хранитель, чтобы укрыл белым крылом и унес далеко в поднебесье...»

Он настороженно прислушался к себе. «Похоже, начинается новый приступ меланхолии, но ничего, мы его сейчас быстро положим на обе лопатки», – заключил он и, пошатываясь, направился к бару.

– Какой серьезный и одинокий красавчик! – жгучая брюнетка в ярко-красном платье под села рядом за барную стойку. – Я не буду возражать, если ты меня чем-нибудь угостишь, – сексуально проворковала она, слегка коснувшись его руки роскошным пятым размером, который так и рвался на волю из откровенного декольте.

Клим быстро скользнул взглядом по ее прелестям и, остановившись на нереально больших и алых, как свежая кровь, губах, пробормотал заплетающимся языком:

– Поехали! Я тебя дома угощу.

...– Как тебя зовут? – спросил он, лежа на кровати и разливая в бокалы «Мартини».

– А как ты хочешь? – промурлыкала красотка, профессионально освобождаясь под медленную музыку от остатков одежды. – Любой каприз – за ваши деньги!

– Тогда я буду звать тебя... Надеждой! – рассмеялся Клим, одурманенный и спиртным, и нахлынувшим эротическим настроением.

– Нет проблем! Тогда обними свою Надюшку! – прошептала брюнетка, прижавшись к нему обнаженным телом.

– А я скоро умру! – вдруг сказал Клим.

Девушка отпрянула как ужаленная.

– Да ты не бойся! Это не заразно! – Клим погладил ее по голой спине. – Меня и так уже почти не осталось... Скоро съедят мой мозг, но это не самое страшное... Сначала съели мою душу, потом – сердце... А вот теперь доедают остатки, и не будет больше НИ-ЧЕ-ГО!

– Ого! – присвистнула красотка и потянулась за сигаретой. – Всякое видала, а вот живой труп – впервые!

– И что теперь? – отрешенно спросил Клим. Возбуждение напрочь исчезло, и он чувствовал себя крайне глупо и одиноко в объятиях этой чужой женщины.

– А как ты хочешь? – спросила красотка, принимая очередную соблазнительную позу.

– Я хочу – душевно. Понимаешь? Чтобы было – по ДУШАМ!

– Это как?! – громко рассмеялась брюнетка. – Ты точно не в себе. Какое отношение имеет душа к сексу?

– Ты права – совершенно никакого, – он нащупал в кармане лежавшего на полу пиджака портмоне и вынул оттуда смятые купюры. – Вот, возьми, и большое тебе спасибо!

– А спасибо за что? – округлила она глаза, мгновенно оценив солидную сумму.

– За то, что ты сейчас немедленно отсюда исчезнешь и избавишь меня от бестолковой траты времени!..

* * *

Клим вертелся в кровати и тщетно пытался унять сумбурный калейдоскоп событий прожитого дня. Как в немом кино, мелькали рваные картинки: потное, испуганное лицо Трухина, разбросанные бумаги на столе, хищные кровавые губы брюнетки, стая ворон, стремительно сорвавшихся с дерева, бешено вращающаяся рулетка в казино, виноватый взгляд доктора, снимок в его руке...

«Смерть никогда не предупреждает о своем визите!» – это опять напомнил о себе внутренний голос, и «кино» оборвалось. С бешеным сердцебиением Клим подскочил к открытому окну и захлопнул его с такой силой, что звонко затрещала рама. Но ОНА продолжала настойчиво просачиваться в его квартиру и в его жизнь отовсюду: из тончайших оконных щелей, из-за плотных штор, из входной двери, из воздуха, из лунного света, проникающего через занавески...

Наконец ОНА проникла в голову и, свернувшись там калачиком, смяла в своих тугих объятиях его мозг. Какая от этого острая головная боль!..

Он не помнил, как дотянулся до пакета обезболивающих, оставленных на журнальном столике. В глазах так потемнело, что Клим не смог прочитать названия на упаковках, поэтому выдавил из первой попавшейся пачки и проглотил сразу несколько таблеток.

Потом, держась за стены, он добрался до ванной и подставил горящую голову под струю ледяной воды. Сознание слегка прояснилось, и он отрешенно наблюдал за тем, как розовые струйки уносятся водными потоками.

«Истеку сейчас кровью и сдохну. Прямо тут. В собственной ванной. Так тупо и бесполезно прожив первый и последний день своей жизни после того, как узнал о Смерти, – с нарастающей злостью думал Клим, пытаясь унять обильное кровотечение из носа. – А может, ну его? Какой смысл глотать пилюли и бегать в больницу? Для продления агонии? Не лучше ли горсть волшебного снотворного – и все? Полный покой и свобода. Свобода от боли... А может, доктор прав, и всё может пройти...»

Шатаясь, Клим пришел на кухню и вытряхнул на стол содержимое домашней аптечки. «Все!.. Достало... К черту все... Вот оно, мое решение!»

Дрожащими от напряжения пальцами он извлек то, что искал. Наночке хватало половины такой таблетки, чтобы продрыхнуть целый день крепким сном младенца...

Тишину разорвал пронзительный сигнал мобильного телефона: «Открывай! Эсэмэс пришло!»

«Дурацкий зуммер! Никак не поменяю!» – раздраженно подумал Клим.

Из любопытства – и что же это мне хотят сказать на прощание? – он взял брошенный в коридоре мобильник и прочитал следующее: «Дорогой Клим Александрович! Мы готовы к торжественному открытию. Отказ не принимается. До встречи 29 сентября. Твои благодарные друзья. Севастополь помнит и ждет».

Клим очнулся, как после долгого тяжелого сна, и посмотрел на часы: электронное табло показывало 6 часов утра. Боль почему-то притихла. Он медленно вернулся на кухню, машинально включил кофеварку и перевел дату на настенном календаре: наступило 28 сентября.

– Ну, город-герой! И не спится ему в такое время, – внезапно улыбнулся Клим. – Значит, с «Олимпом» все сложилось...

А он и думать забыл о небольшой услуге, которую пару лет назад оказал своим севастопольским партнерам – «по дешевке» поделился частью выкупленного земельного участка под строительство нового гостиничного комплекса.

«Почему бы и нет?! – подумал Клим, не без удовольствия вдыхая аромат своего любимого кофе. – Осень на море, искренне благодарные друзья, смена обстановки... ОНА, конечно, от меня никуда не денется, но я все равно немного от нее отдохну...»

Он поднял жалюзи, впуская к себе первые солнечные лучи нового дня, налил полную чашку крепкого кофе и сгреб в сторону рассыпанные по столу таблетки.

Глава 2 Счастье

Ты лучше всего учишься тому, чему тебе больше всего нужно научиться самому.

Ричард Бах. Иллюзии

По отработанной годами привычке он открыл свой ежедневник. «*Четверг, 28 сентября*». Целомудренно чистый лист бумаги, не заполненный ни единой строчкой, ни одной пометкой на полях. Вчера начался новый отсчет времени в его жизни...

«Ах, да, – поморщился Клим и, захлопнув дневник, отложил его в сторону. – Кажется, в 11 утра нужно быть в больнице на первом курсе химиотерапии, или как там оно у них называется...» Перипетии сумбурного вечера и тяжелой ночи, пропитанной болью и бурей эмоций, резко сменились полным безразличием и вязкой апатией.

«Что там говорил Иван Иванович? Самым благоприятным фоном для обострения болевых ощущений являются неврозное состояние, психическая депрессия и страх. СТРАХ... – Холодный ночной кошмар опять зашевелился где-то в глубине черепной коробки, напоминая о своем присутствии горстью разбросанных на столе таблеток. – Не дожدهшься! – зло отрезал Клим невидимому собеседнику и отправил лекарства в мусорную корзину. – А звучит-то как отвратительно – неврозное состояние... Хорошо еще, что никто не видел этого жуткого приступа позорной слабости».

Клим с удовольствием принял прохладный душ, смывая с себя липкие остатки пережитого. «Да пусть они катятся ко всем чертям – больница, работа, обязательства и обстоятельства, включая этот проклятый диагноз! Все. Теперь я никому ничего не должен – только себе, а значит, буду делать то, что мне на самом деле хочется. Наконец-то. В первый и последний раз в жизни. Абсолютно прав был док, когда вещал о личных мотивациях и переключении внимания с болезни на что-то другое – то, что долгое время сознательно игнорировалось и не замечалось».

– К примеру, осень на море – давнишняя и радужная мечта, списанная в категорию нереальных и несбыточных, – он вслух подхватил свою мысль, уверенно забрасывая в дорожную сумку необходимые вещи. – Вечная нехватка времени, вечные «некогда» и «надо»!..

Когда он отдыхал в последний раз? Просто так – без сопровождающих поездки деловых встреч и переговоров? Пожалуй, в ранней юности, – он сам удивился такому неожиданному для себя открытию. А потом пошло-поехало: бизнес – деньги – бизнес. Сплошная и неразрывная цепь, добровольно наброшенная крепкой удавкой на шею.

«Клим Александрович у нас только одного не умеет – отдыхать!» – эта избитая фраза, от случая к случаю с гордостью произносимая его сотрудниками, теперь напоминала жалкий комплимент или, скорее, грустный реквием по его собственноручно похороненным желаниям.

Клим быстро, чтобы не передумать в последний момент, набрал по мобильному Трухина, отдал ему распоряжения на ближайшее время и заказал служебную машину. Он не любил поезда, поэтому по возможности всегда отдавал предпочтение скоростным трассам с изменчивой чередой пейзажей за окном автомобиля.

* * *

– Вот это сюрприз! – радостно пробасил на следующий день Маркиросян, заключая Клима в крепкие дружеские объятия. – Вот уж не ожидал – так не ожидал! Значит, все-таки выкроил свое драгоценное время?

Тенгиз Маркиросян – генеральный директор Севастопольской строительной компании, которую с «Викторией» связывали долгие партнерские отношения, принял Клима с характерным восточным гостеприимством, и его рабочий кабинет по мановению руки тут же превратился в волшебную скатерть-самобранку, уставленную дорогими напитками и хорошей закуской.

– Это для меня стало сюрпризом твое неожиданное эсэмэс-сообщение, – улыбаясь, сказал Клима.

– Какое еще эсэмэс? – Маркиросян удивленно округлил густые орлиные брови. – Ты что, дорогой, я не любитель этих детских игрушек – телефон предназначен для того, чтобы по нему звонить, а не письма писать! А вот ты куда пропал? Накануне я долго пытался до тебя дозвониться – и безрезультатно: в офисе тебя нет, мобильный не отвечает. Я просил передать, чтобы ты мне срочно, немедленно перезвонил. Кстати... – Тенгиз так и замер с открытой бутылкой «Хеннесси» в руке. – Раз ты мне так и не перезвонил, то как ты узнал, что мы сегодня открываемся?

– Я же тебе говорю – мне эсэмэска пришла, – с не меньшим удивлением ответил Клима, открывая в своем телефоне список полученных сообщений. – Я, конечно, заработался, но из ума еще пока не выжил. Сейчас найду... Где-то здесь было...

Он лихорадочно терзал мобильный, но, кроме навязчивой рекламной информации оператора связи и гневных обвинений обиженной Наночки, других сообщений не было.

– Ты будешь смеяться, но мой «вещдок» как в воду канул... – сконфуженно пробормотал Клима.

– Да оставь ты в покое телефон! – энергично прогудел Маркиросян, протягивая наполненную рюмку. – Неважно, какой такой «барабашка» тебе это письмо настрочил! Главное – что ты здесь и будешь отдыхать по полной программе, пока полностью не проветришь свои воспаленные мозги.

– А что, видно? – настороженно спросил Клима, испытующе глядя на товарища.

– Ты имеешь в виду свои мозги? – громко расхохотался Тенгиз. – Так они у тебя всегда были видными – с их помощью даже наш «Олимп» на свет появился! А вот устал ты, похоже, конкретно – иначе бы точно не приехал. Ну давай, начинай расслабляться и радоваться жизни. Значит, план такой: в шесть вечера торжественная часть, потом – большой сабантуй в честь открытия комплекса, а на завтра у нас намечено грандиозное катание на яхтах, так что ты вовремя, как никогда. Будет все, как ты любишь: море водки, устриц и красавиц!

– Сегодня я полностью в твоём распоряжении, – снова заулыбался Клима, сдаваясь в плен здоровой энергии жизнелюбивого Маркиросяна. – А вот завтра – извини. В последнее время устрицы и красавицы вызывают у меня изжогу, поэтому хочу прошвырнуться по другому, более безопасному маршруту.

– Значит, будем тебя лечить! – изрек Маркиросян и подытожил: – Э-э-э, дорогой, совсем плох стал... Ну как на такое может быть изжога? Или у тебя как с тем стаканом воды, который бывает и наполовину полным, и наполовину пустым – в зависимости от личного мироощущения...

– Ладно, ладно, великий мудрец! – засмеялся Клима. – Просто бывают случаи, когда заключенный узник вдруг начинает видеть не привычные тюремные решетки, а звезды, проступающие через них. Так вот, я хочу посмотреть на звезды.

* * *

Голова трещала, как раскаленный пивной котел. «Видно, активные и шумные мероприятия для меня уже точно остались позади», – грустно отметил про себя Клим, проснувшись в стерильно-чистом и пахнущем новизной гостиничном номере «Олимпа».

Презентация комплекса растянулась до рассвета, и теперь ему больше всего хотелось получить изрядную порцию свежего воздуха и просто послушать тишину. Он неторопливо собрался и вызвал Ильича – своего неизменного водителя, сопровождавшего его во всех командировках.

Слегка помятый после продолжительного банкета водитель не выразил особого восторга от перспективы дальней поездки, тем более солнце спряталось за свинцовые тучи и в воздухе повисло напряженное ожидание дождя.

– Это моя старая идея-фикс, поэтому – без вариантов, – отрезал Клим, усаживаясь в машину. Сколько раз, бывая в Севастополе, он откладывал эту поездку в долгий ящик, в глубине души тайно мечтая о том, что однажды – без спешки и гонки – он вернется туда, где много лет назад ощутил потрясающее чувство гармонии и покоя. Наконец это время настало – вот так совсем неожиданно...

С давних пор Клим коллекционировал наиболее яркие картинки своей жизни и бережно их складывал в сокровенную шкатулку памяти. Бриллиантом этой коллекции он считал мыс Фиолент – один из самых неповторимых уголков Крыма, расположенный на Гераклеяском полуострове в 15 километрах от центра Севастополя.

Ему оказалось достаточно одного раза, чтобы на всю жизнь влюбиться в этот дикий, скалистый берег, хрустально-чистое море Яшмового пляжа. Клим до сих пор не мог забыть то острое ощущение восторга, которое он, 17-летний мальчишка, испытал, стоя на вершине горы и созерцая неземную красоту волшебного царства первозданной природы. Захватывало дух от величия скал почти стометровой высоты, громоздившихся над лазурным морем, хаоса серых валунов и белого песчаного дна с раскиданными по нему камнями, покрытыми причудливыми морскими водорослями. Это было действительно фантастическое зрелище!

Тогда его особенно впечатлили островерхий утес самого мыса Фиолент, огромный грот Дианы и старинный Георгиевский монастырь, расположенный прямо на кромке обрыва. Колоссальная энергетика этого места, тишина и благодатное спокойствие манили какой-то великой тайной, разгадать которую он так и не успел.

– Мы все склонны идеализировать и преувеличивать отдельные наши воспоминания родом из детства и юности, – изрек мудрый Ильич по дороге на Фиолент. – А потом, когда вырастаем и снова возвращаемся туда, где «деревья были большими», то оказывается, что все гораздо проще и примитивнее, чем когда-то казалось. В свое время я тоже лелеял старую мечту и очень хотел снова увидеть известную аллею пальм в Ялте, которая сохранилась в моих детских воспоминаниях как просторная дорога в бесконечность, окруженная исполинскими деревьями экзотической красоты. И что вы думаете? Когда я опять туда попал, уже взрослым и семейным человеком, то никак не мог понять, почему от этих самых обыкновенных, скудных и жиденьких пальм приходят в такой дикий восторг мои дети. Что они видят такого, чего я уже не могу разглядеть в этой жизни? Вот так, все проходит... – вздохнул водитель, останавливая машину возле скалистого утеса на подъезде к Фиоленту. – Да-а-а, а здесь действительно красота неопишуемая!

– Как же иначе, Ильич, можно на это реагировать?! – восторженно воскликнул Клим, раскрывая объятия своему сокровенному желанию, наконец воплощенному в реальность. – Фиолент все тот же, просто я стал другим... Слушай, мне нужно побыть одному. Хотя бы несколько часов. Я так давно этого хотел!

Клим отпустил водителя, договорившись, что потом позвонит ему на мобильный.

Он подошел к самому краю обрыва и набрал полные легкие пьянящего эфира. Прозрачный осенний воздух был пропитан запахом моря, увядающих трав и тихой грусти, сотканной из незримых аккордов светлой, романтической мелодии. С высоты мыс Фиолент напоминал огромный живой организм, жизнь в котором пульсировала в согласии с невидимыми ритмами планеты. Медленно и тихо дышали большие скалистые горы, уходящие далеко за горизонт, что-то шептали заросли кустарников и деревьев, им вторило море...

Безотчетно повинувшись какому-то природному инстинкту, Клим вытянул вверх руки и замер, закрыв глаза. Он предоставил полную свободу энергии земли и неба путешествовать по его телу. Через несколько минут он почувствовал, как, подобно пустому и высохшему сосуду, наполняется целительной и всемогущей силой. Она невидимым ключом била из недр земли, проходила по ногам, струилась по позвоночнику и достигала своей высшей точки где-то на затылке, растекаясь приятной волной кругооборота опять по всему телу.

– Как хорошо! – Клим блаженно потянулся и открыл глаза. Только что память тела автоматически воспроизвела одну из забытых техник, которую он практиковал много лет назад, когда в азарте юношеского максимализма упорно пытался разгадать вечный философский вопрос Смысла Жизни.

«Ответ так и не нашелся, да и смысла уже нет, – с сожалением подумал Клим. – Обидно... Я скоро навсегда уйду, так и не узнав, зачем я вообще приходил на эту землю. Природа сама подсказывает, что смысл заключается в чем-то большем, наверняка гораздо большем, чем вся эта наша ежедневная мышьяная возня под названием «Борьба за выживание». Никакого успокоения и ни малейшего самоудовлетворения от того, что останется после меня. Да и оставаться особо нечему... Громкое имя стабильной и успешной компании... Это круто! Хотя иногда кажется, что «Виктория» капля за каплей выпила из меня все жизненные соки, вытянула всю энергию и полностью подчинила своей власти. Взаимовыгодный бартерный обмен: я – ей, а она – мне. Я ей отдал самого себя – со всеми своими потрохами и с душой в придачу, а она мне щедро отплатила золотой монетой блестящей карьеры, громкого имени и круглого счета в банке».

Он опять разрешил себе думать о Смерти и даже попытался улыбнуться этой страшной и непонятной субстанции, чье зловонное дыхание не развеивалось даже чистым морским ветром и незримо витало вокруг него.

Когда-то на этом самом месте стоял другой Клим – молодой, задорный, дерзкий, полный смелых идей, грандиозных планов, цветных снов и откровенных желаний. Тогда его глаза горели каким-то сильным, внутренним огнем, за что друзья называли его «энерджайзером» – за неуемную жажду жизни и неутомимые фантазии.

«Батарейка села, – криво усмехнулся Клим своим нахлынувшим воспоминаниям, – а былой огонь превратился в холодный металл – в сталь, способную рубить, но не согревать».

То ли от передозировки свежего воздуха, то ли от собственных мыслей нахлынула опять головная боль и впиалась в мозг металлическими колючками. Клим слегка пошатнулся и отступил от края обрыва. Приступ шел по нарастающей, поглощая рассудок и вызывая дурманящую тошноту. Он стал лихорадочно выворачивать карманы в поисках таблеток, пока не вспомнил, что весь комплект обезболивающих был благополучно забыт дома.

Боль становилась невыносимой – казалось, что голову сейчас разорвет на мелкие куски и разбросает по прибрежным скалам.

Он медленно вернулся к обрыву и посмотрел вниз, туда, где серый гранит сливался с морской синевой. «Один шаг – и все закончено... – мелькнуло в сознании. – Ни боли, ни мучений, ни томительного ожидания, а главное – этих навязчивых, убийственных, невыносимых мыслей...»

«...Только разбрызганные мозги по камням!» – ухмыльнулся внутренний голос, и Клим непроизвольно содрогнулся от выскочившего, как свежее фото из «Полароида», ужасного видения: алая кровь на темном граните, распластанное тело, расколотый череп...

Опять эта слабость... Проклятое малодушие, которое уже второй раз толкает на «подвиг». Он крепко потер виски, пытаясь унять сумасшедшую пульсацию, и стал медленно спускаться вниз к морю по самому крутому и опасному маршруту, известному еще с юношеских лет.

«По крайней мере все произойдет естественным путем!» – хихикнул голос, тут же заглушенный шорохом камней, скатывающихся из-под ног.

Конечно, на берег можно было спуститься и по-человечески – буквально в каких-то ста метрах находилась лестница, обеспечивающая туристам безопасный маршрут. Но адреналин рвался наружу и переполнял все естество – это было соревнование с природой, со Смертью – за Жизнь, а может – наоборот...

Цепляясь за колючие кустарники и срывая кожу с пальцев, нащупывая тонкие выступы на острых камнях и преодолевая пожар в голове, он метр за метром преодолевал крутой спуск, пока не оказался на берегу, практически незаметном из-за густого нагромождения скалистых утесов и огромных камней, похожих на гигантские пемзы, как будто бы выброшенные чьей-то сильной рукой на поверхность суши.

Отдышавшись, он прямо у своих ног увидел море. Оно пенилось игривыми волнами, влекло за собой и манило в бездонную глубину. Не раздумывая ни секунды, он поддался внезапному импульсу, сбросил с себя одежду и с разбега нырнул в его объятия.

Он плыл стремительно и легко, с каждым движением все увереннее разбрасывая встречные волны сильными взмахами рук. Холодная вода взбодрила его и освежила голову, воспаленную горячей болью. Проплыв достаточно большое расстояние, он перевернулся на спину и замер с раскинутыми в разные стороны руками, с наслаждением поддавшись убаюкивающей морской колыбели. Море плавно раскачивало его в разные стороны, щедро окатывая солеными брызгами, а он заворожено смотрел на небо – бескрайнее и бесконечное, как морская гладь. Тучи немного расступились, и сквозь них пробивалось наружу ослепительное солнце, раздвигая серую завесу своими неутомимыми лучами.

Его коснулось дыхание ЖИЗНИ – робкое, несмелое и трепетное. От внезапного желания видеть, чувствовать и осязать этот мир во всем его величии и красоте перехватило горло. Теплая слеза проскользнула по щеке, коснулась губ и слилась с морем. Шлюзы раскрылись – и он больше не стал сдерживать безудержный соленый поток, брызнувший из глаз. Слезы свободно выливались на поверхность, как будто бы давно ждали своего часа, вымывали из глубин души накопленную боль и растворялись в воде. Немного отпустило. Он сделал глубокий глоток свежего воздуха, отбил от крупной нахлынувшей волны и поплыл дальше, туда, где море соединялось с горизонтом в одну сплошную линию и растворялось в воздушном пространстве. Волны усиливались и периодически накрывали его с головой, прохладный ветер вызывал легкий озноб, но он продолжал плыть навстречу распахнувшейся перед ним бездне, с откровенным удовольствием преодолевая сопротивление стихии и почти уже сдавшуюся физическую боль. Всплывая на самые крупные гребни волн, он испытывал пьянящий азарт игрока, боевую одержимость воина, триумфальный кайф победителя. Чем дальше он заплывал, чем больше баллов выигрывал у штормящего моря, тем сильнее разрасталось желание Жизни.

– Мы еще повоюем! – громко воскликнул он и взлетел на очередную волну.

Внезапная судорога настигла его на самом пике блаженства и резко скрутила ногу. Вскрикнув от неожиданности, он потерял ориентацию, и его тут же накрыло новой волной. Он попробовал вынырнуть на поверхность, одновременно борясь с цепкой болью и пытаясь сделать хоть один глоток воздуха, однако стремительно наступающие волны не выпускали из своей западни, затягивая в смертельную воронку.

На секунду вырвавшись из водного плена, он закричал, но крик тут же растворился в соленой воде. Не в силах больше сопротивляться, он расслабил руки. И последнее, что увидел, прежде чем уйти в холодную темноту, была яркая, ослепительная вспышка света над его головой...

* * *

Кто-то настойчиво хлопал его по щекам. Раз, другой... Клим открыл глаза и, будто в тумане, увидел лицо незнакомца и его широкую белозубую улыбку.

Он не сразу понял, где он и что произошло. По телу разливались блаженное тепло и истома, а само оно было легким и невесомым, как пушинка. Такое впечатление, что он отлично выспался после тяжелого дня...

Клим приподнял голову и посмотрел вокруг. Все то же море, тот же мыс... Только солнце окончательно разогнало тучи и свободно сияло ровным золотистым светом. Вот его одежда, кем-то аккуратно сложенная на камнях. Непонятно откуда взявшаяся старенькая лодка со спущенными веслами на берегу... А сам он лежал на плотной подстилке, расстеленной на мелкой гальке, заботливо укутанный теплым ворсистым пледом. Клим протер глаза.

– На вот, глотни! – Незнакомец, окончательно проступивший из тумана, протянул ему небольшую металлическую флягу. То ли виски, то ли какой-то бальзам на травах приятно обжег нутро и прояснил сознание. Он все вспомнил.

– Это я тебя должен благодарить?

– Да. Хотя... Для меня это – привычное дело: я всего лишь выполнил свою работу как спасатель, оказавшийся в нужное время в нужном месте.

Незнакомец сидел на корточках и внимательно рассматривал Клим оценивающим взглядом, как крупную добычу, только что выловленную из морских глубин. Чудной был этот спасатель: щупленький, неказистый, с внешностью студента-отличника. Молодой – лет двадцать или чуть-чуть больше. Он отвел в сторону прядь светлых волос, выбеленных солнцем, и опять непонятно чему радостно улыбнулся. У него было интересное лицо: худое, но с очень правильными, пропорциональными чертами, покрытое легким бронзовым загаром, и необыкновенный цвет больших глаз – какой-то насыщенно-зеленый, ближе к лазурному, напоминающий оттенок сочной морской волны.

– А ты рискованый! – произнес парень, выкрутив свою мокрую рубашку и тут же нацепив ее обратно на худосочное тело. – Не каждый полезет в воду при такой температуре, да еще и заплывет далеко! Хорошо, что я был рядом...

Клим поймал себя на мысли, как этот чахлик смог вытянуть из воды такого крупного мужика, как он, и вообще, с каких это пор в таких диких и практически безлюдных местах водятся спасатели, да еще в период межсезонья...

– Спасибо, дружище, – сказал он. – Слушай, я сейчас без денег, но скоро приедет мой водитель, и я тебя щедро отблагодарю. Действительно, если бы не ты... Мои шансы равнялись нулю!

– Ты мне ничего не должен, – мягко осадил парень, продолжая смотреть на него таким любопытным и изучающим взглядом, от которого Климу стало немного не по себе, и он отвел глаза в сторону.

– Да ладно, не скромничай! Этим занятием на хлеб особо не заработаешь.

– А я и не зарабатываю, – просто ответил спасатель. – Я выполняю свою работу.

– Ладно. Ты меня совсем запутал. Студент? – спросил Клим, затягиваясь чуть отсыревшей сигаретой.

– Да. Вечный! – рассмеялся парень.

– А факультет?.. Нет, стой, сейчас я сам угадаю. – Умение определять по лицам характеры, способности и наклонности людей было одной из коронных «фишек» Клим, которую он частенько применял в своей работе. – История, философия или... ботаника, – сказал он после короткого размышления.

– Ты почти все угадал. Мои любимые науки...

– Такой продвинутый? Значит, много знаешь.

– Иногда мне кажется, что даже слишком, – посерьезнел спасатель, – так много, что не знаю, куда и девать...

– Тогда делись, – великодушно сказал Клим. Его заинтриговало начало разговора с этим случайным чудачком, которому он к тому же был обязан жизнью.

– Место ты выбрал правильное, хорошее, – ни с того ни с сего объявил студент, сделав глоток из своей походной фляги. – Вот ты знаешь, что чуть не утонул у берегов Божественной земли?

Клим неуверенно пожал плечами, а его собеседник продолжил:

– Полуостров, где расположен нынешний Севастополь, в догреческие времена назывался Фиолент, то есть «Божественная земля». Неудивительно, что на ней находится немало древних святынь, а главное – именно здесь расположена базовая линия пирамид...

– Ну-ка, ну-ка, продолжай! – оживился Клим. Он был любителем споров на тему «околосвященных» явлений, которые всегда вызывали у него двойкий интерес.

– Крымское поле пирамид входит во взаимосвязанную мировую систему, образующих вокруг Земли информационно-энергетический каркас. Эти пирамиды работают как приемопередающие антенны, связанные со Вселенной, и существенно влияют на все жизненные процессы на Земле, включая гармонизацию уровня сознания людей. Крым вообще называют прямой тропой во Вселенную, а его самые сильные космические каналы находятся вблизи Севастополя и Ялты, ведь тут наибольшая концентрация крымских пирамид. И мы с тобой сейчас сидим в самом центре аккумулятора высших энергий – на Фиоленте.

– Я всегда чувствовал, что с этим местом что-то связано, – задумчиво произнес Клим.

– Конечно! – собеседник, похоже, искренне обрадовался этой поддержке. – Люди, прикасающиеся к священным тайнам крымских пирамид, не могут не ощутить высокочастотных вибраций этой земли, только вот реакция у них бывает разная: кто-то ощущает колоссальный прилив сил и энергии, а другие, напротив, упадок и обострение хронических заболеваний. Но это легко объясняется: если человек готов к переходу на новую ступень сознания, то внутренняя трансформация ускоряется, а недостаток духовного потенциала личности всегда сопровождается энергетическим истощением.

– М-да, мудро... А у меня, по-твоему, есть шанс на эту, как ее... трансмутацию? – полушутя-полусерьезно поинтересовался Клим.

– Думаю, да. Особенно если у тебя здесь возникло много жизненно важных вопросов, которые долгое время упорно от себя отгонял.

– Ну допустим, вопросы возникли. А ответы на них тут тоже выдаются?

– Вселенная всегда отвечает на внутренние просьбы каждого человека, присылая в его жизнь необходимые послания и нужных людей, способных помочь в решении тех или иных задач. Это – универсальный закон. Главное – твоя личная готовность к переменам, Клим.

– А откуда ты знаешь, как меня зовут? – моментально насторожился Клим. Не иначе как этот шустрый парень заглянул в документы, когда переносил его одежду.

– Ах да, извини, я не успел представиться... Очень рад нашей встрече. Я – твой Ангел-Хранитель! – лучезарно улыбнулся спасатель и протянул свою тонкую руку.

Клим ошарашенно посмотрел на чудачка, а потом громко рассмеялся.

– Ну, студент, ты даешь! Молодец – развеселил... А ты, оказывается, не только очень умный, но еще, как я погляжу, и очень скромный! Хотя, если разобраться, ты действительно мой ангел-спаситель.

– Если точнее, то СПАСАТЕЛЬ, – с легкой улыбкой поправил чудак. – Это моя официальная должность, а по иерархии я значусь как Посланник. Хотя, если честно, – доверительно сказал он, близко наклонившись к Климу, – мне не нравится ни первое, ни второе определение. Первое звучит почти как Спаситель, но это – привилегия Высшего Руководства, а второе у меня ассоциируется с какой-то вынужденной миротворческой акцией или разовой миссией милосердия. А вот Хранитель – совсем другое дело! И по смыслу, и по содержанию.

– Ну хорошо, Хранитель, – подхватил забавную игру Клим. – А звать-то тебя как?

– По-древнееврейски – Малакх, по-гречески – Анжелос, но ты зови меня проще – Гел.

– Слушай, я ошибся, – сказал Клим, с трудом сдерживая улыбку. – Я беру назад свои предположения о ботанике. Ты что, из церковно-приходской школы или из театрального института? Классно это у тебя получается! Будь я мнительной и экзальтированной особой – сто процентов поверил бы! Bravo!

– Да у меня пока еще мало что получается, – искренне вздохнул студент, – но очень надеюсь, что получится. С твоей помощью.

– Слушай, а ангелы-хранители – это те, которые при рождении даются? – Клим не спешил прерывать странную беседу. Свежий воздух, чудесное место и оригинал-фантазер отвлекли его от мрачных мыслей, и даже головная боль окончательно приутихла.

– При рождении, – кивнул спасатель.

– Значит, ты – мой персональный телоХранитель? Что ж так слабенько работаешь? – съязвил Клим.

– Это ты о своей болезни? – переспросил спасатель. – Ты сам взял ее на себя. Это – следствие, а первопричина имеет давнюю кредитную историю, в которую я не имею права вмешиваться.

– А ты откуда знаешь?!

«Местный экстрасенс, что ли?» – мелькнула догадка.

– *Состояние нашего тела, его физического и душевного здоровья является зеркальным отражением жизненной философии человека,* – как ни в чем не бывало продолжил странный собеседник.

– Слушай, не грузи! – со злостью отмахнулся Клим. – У меня – рак.

– Знаю, – мягко сказал чудак, спокойно выдерживая натиск стальных сверлящих глаз. – Ты зря злишься и обижаешься. Вон уже какую цепочку себе накрутил!

– Какую еще цепочку? – уже более миролюбиво спросил Клим. А вдруг этот крымский «гуру» действительно что-то знает?..

– Обида – это долго сдерживаемый гнев: на себя, на других, на жизненные обстоятельства. Это своего рода энергетический трюмб, который представляет для жизни человека серьезную угрозу. Самое опасное в обиде то, что однажды она внедряется в тело и, разрастаясь, начинает блокировать нормальное движение энергии, что может обернуться всевозможными опухолями. А на самом деле жизнь системна и гармонична, просто нужно, Клим, понять ее правила игры. И правило номер один – умение ПО-НАСТОЯЩЕМУ быть СЧАСТЛИВЫМ.

Клим поднялся с нагретой подстилки и подошел к морю, разминая затекшие ноги. День клонился к закату, и казалось, что вся окружающая природа готовилась к встрече ночного покоя: улеглись беспокойные волны, приутих строптивый морской ветер, смолкли голосистые чайки... Меланхоличный слабый шум прибоя и звенящая тишина приятно обволакивали тело, расслабляли напряженные нервы. У него не было сейчас особого желания вступать в долгую дискуссию, тем более о болезни и о счастье...

– Да что ты знаешь о счастье, философ?! – неожиданно для себя сказал Клим, резко обернувшись к парню. – Я не знаю, чему там тебя научили на вашем философско-богословском факультете, но понятие счастья – одна из ведущих иллюзий человечества. Это призрак, мираж в пустыне; повод, чтобы отвлечь мозги от привычных вещей. Счастье – это такая же размытая абстракция, как и любовь, не имеющая ни определения, ни состояния, ни конечной цели и придуманная человечеством исключительно для того, чтобы такие мечтатели, как ты, не остались без пищи для размышлений.

– СЧАСТЬЕ – это информационно-энергетическое состояние ДУШИ, – произнес спасатель и бросил в воду маленький круглый камень, – а все остальное, и в первую очередь так называемые привычные вещи, не что иное, как круги на воде.

– «Привычка свыше нам дана – замена счастию она», – задумчиво процитировал Клим.

– Насчет «свыше» – не уверен, а вот с тем, что привычки – обманчивый заменитель счастья, полностью и целиком согласен. Более того, это один из самых распространенных наркотиков нашего времени. Вот скажи, Клим, тебе знакомы беспричинная хандра, глубокое уныние и смертная тоска, которые появляются из ниоткуда и внезапно, наваливаясь всей своей тяжестью? Впрочем, можешь не отвечать – я и так знаю ответ. А ведь в этом состоянии время от времени находятся все смертные, которые годами живут под тяжестью своих привычек и боятся высунуть нос наружу, чтобы не увидеть там истинную причину происходящего. Да, им неуютно и дискомфортно, но они к этому ПРИВЫКЛИ! Конечно, проще толкаться в душной и тесной комнатке своей старой жизни и успокаивать себя традиционными и пустившими корни в саму душу мыслями типа: «Судьба у меня такая», «Не всем же должно повезти в этой жизни», «Значит, так сложилось...», «И ведь многие другие точно так же живут!». Тысячи поколений старались над созданием разрушительной МАШИНЫ ПРИВЫЧЕК, которая перемолола миллионы судеб, не говоря уже о самих душах! Хотя, безусловно, грусть, тоска и прочее могут быть вызваны целым рядом объективных причин: проблемы на работе, развод, безденежье, болезнь, отсутствие любви, измена, предательство... Но на самом деле все это побочные явления и следствие отсутствия самой главной причины: умения быть счастливым.

– Толковый ты парень, Гел, или как там тебя... – сказал Клим, внимательно выслушав собеседника. – Когда я был в твоём возрасте, я тоже подобным образом мечтал, рассуждал, анализировал, верил... Но жизнь берет свое. Я повзрослел и понял, что все гораздо сложнее. У каждого свое понимание счастья. Сугубо индивидуальное.

– Ваше человеческое счастье настолько же «у каждого свое» и имеет такие же «громкие» отличия, как, к примеру, лица китайцев отличаются от лиц европейцев. Два глаза, два уха... Так и счастье – оно абсолютно для всех одинаково. Индивидуальны лишь поверхностные его ощущения. Даже тоска, Клим, эта внезапная тоска, которая периодически терзает всех людей по «разным причинам», не что иное, как грусть души по давно утраченным мечтам...

– Э-э-э, друг, я тоже когда-то пытался найти дорогу в утерянный рай и даже повести за собой все человечество, освещая ему путь собственным горящим сердцем, – усмехнувшись, перебил его Клим. – Все прошло. Как выяснилось, человечеству в одну сторону, мне – в другую, а законы бытия изменить нельзя...

– А их и не нужно менять! – воскликнул чудак. – Их надо ЗНАТЬ и ВЫПОЛНЯТЬ – только тогда есть шанс ЧАЩЕ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ!

– Ну и что для этого требуется? – скептически спросил Клим.

– Нужно иметь цельный фундамент души и четкую внутреннюю систему координат, которая совпадает со вселенской. Как Полярная звезда в системе координат Земли, которая всегда указывает на север, – ответил спасатель и, поднявшись, встал рядом с Климом возле самой кромки моря. – Вот смотри, ты же не видишь вдалеке морское дно? Там, на глубине, оно скрыто от глаз, но ты веришь, что оно там есть. Поверхность могут баламутить любые волны и шторма, но все равно они не нарушат стабильности и постоянства дна как фундамента. Так вот, с душой

происходит то же самое. Состояние души – не поэтическое словосочетание, а очень глубокая и фундаментальная по своей сути информационно-энергетическая субстанция. Все видимые проявления твоей жизни – это периодические всплески на воде, вызываемые то положительными, то отрицательными эмоциями. Но что бы ни появлялось на твоей «поверхности» – будь то настоящий шторм или просто игривые барашки, – никакая суета сует не нарушит твой прочный фундамент, если ты сам его не разрушишь. Вспомни декабрьскую катастрофу 2004 года. В результате сильнейшего цунами погибло более 300 тысяч человек в шести странах Юго-Восточной Азии. А знаешь, с чего все началось? С нарушений в самом фундаменте! Сдвиг тектонических плит Земли в акватории Индийского океана буквально через несколько минут повлек за собой разрушительную волну цунами, которая уничтожила тысячи населенных пунктов и сотни тысяч жизней. Понятно для сравнения? Так вот, чтобы волны твоей жизни не превратились в разрушительное цунами, нужно иметь в душе настоящий и прочный фундамент и не позволять его расшатывать обидой, злобой, завистью и гневом. Это может оказаться смертельным для твоей же жизни.

– Говорить всегда легко, а вот сделать... – ухмыльнулся Клим.

– Вселенная не знает, что значит – не умею. *Божественная мудрость и законы Мироздания всегда были доступны для всех. НУЖНО ЛИШЬ ОТЫСКАТЬ ИХ В СВОЕМ СЕРДЦЕ...*

– Ну а смысл в чем, философ, в чем смысл жизни? – взорвался Клим, нарушая звенящую тишину. – Мне все равно скоро КОНЕЦ, или ты чего-то так и не понял?! Перед тобой стоит смертельно больной человек, а ты ему втираешь о настоящем счастье!..

– ТО, ЧТО ГУСЕНИЦА считает СВОИМ КОНЦОМ существования, СОЗДАТЕЛЬ ВИДИТ НАЧАЛОМ НОВОГО ЭТАПА ЖИЗНИ, то есть бабочки, – тихо, но очень убедительно произнес спасатель. – Ты слишком долго находился в закапсулированном состоянии, однако у тебя есть выбор: или немедленно разорвать свой «кокон» и выбраться наружу, или оставаться в нем до самой смерти.

– Ты что, студент, решил меня жизни поучить?! – ошетинился Клим.

– *Когда ученик готов, тогда и появляется учитель*, – совершенно благодушно сказал чужак, пропустив мимо ушей колкость.

– Это ты себя, что ли, учителем называешь? – иронично вставил Клим и хотел было продолжить...

Но тут откуда-то сверху раздались громкие и настойчивые гудки автомобиля. Клим подошел к подножию горы и рассмотрел появившуюся на вершине фигуру своего водителя.

– Клим Александрович! – закричал Ильич, подбежав к самому выступу. – Вы в порядке?

– В полном! – отозвался Клим. – Жди меня наверху. Сейчас поднимусь.

– Помощь нужна? А то я уже начал беспокоиться – вы мне долго не звоните, а ваш мобильный оказался вне зоны доступа.

– Нет, нет, все нормально! – крикнул Клим и повернулся, чтобы попрощаться со спасателем. В следующее мгновение он не поверил своим глазам: берег был пустынным, а на том месте, где пару минут назад стояла причаленная лодка, беззаботно плескались одни лишь волны.

– Эй, студент! Ну и шутки у тебя... Я ухожу!

Похоже, чужак таким образом теперь решил продолжить свои странные игры.

– Философ, выходи! Хочу тебе еще раз спасибо напоследок сказать! – морщась от холода, Клим зашел по колено в воду и попытался заглянуть за большие валуны, выглядывающие из воды. Ответом по-прежнему был размеренный шелест моря и ленивый крик редких чаек, пролетающих над волнами.

– Фантастика! – Клим раздосадованно пожал плечами и, повыше закатав намокшие брюки, начал подниматься на гору.

– Вы там что-то потеряли? – спросил Ильич, когда Клим вскарабкался наверх. – Я видел, как вы бегали по берегу...

– Да, человека одного... – Клим с трудом переводил дыхание после крутого подъема. – Кстати, ты не заметил, куда он делся?

– Кто? – удивился Ильич. – Кроме вас, внизу никого не было – пляжный сезон-то уже закончился!..

– Прямо никого не было! – хмыкнул Клим и потянул ошарашенного водителя к краю обрыва. – Хочешь сказать, что ты отсюда ничего не видел?! Вон там, возле берега, стояла спасательная лодка. А вон там, где сидел я, был еще один человек – худощавый такой, щуплый с виду парень. Ну и?..

– Да нет, Клим Саныч, – простодушно ответил Ильич, – я же говорю, что никого не видел. А когда это было?

– Ты что, издеваешься?! – взвился Клим. – Я говорил с этим человеком до тех пор, пока ты меня не позвал!

Водитель промолчал, поскольку это был как раз тот случай, когда ему действительно нечего было сказать. А Клим почувствовал, как его рассудок вдруг резко начал мутнеть.

«Или вокруг меня сплошные идиоты, или... это я сошел с ума!..»

– А где это вы так вывалялись? – добродушно заметил Ильич, заботливо отряхивая пиджак шефа. – Ох, и налипло тут на вас всякого – песок, репьяки, водоросли, даже перья какие-то! Чайки не нападали? – пошутил водитель, сдувая в сторону небольшое перо цвета чистого снега.

Клим молча, с остановившимся взглядом смотрел в одну точку – туда, где совсем недавно стояла спасательная лодка.

– Клим Саныч, с вами точно все в порядке? – с тревогой в голосе переспросил Ильич.

– Так, говоришь, ничего не видел? – Клим угрожающе прищурил стальные глаза. – Значит, по-твоему следует, что я сошел с ума, да?!

– Ну что вы! – испуганно замахал руками Ильич, прекрасно знавший нрав своего шефа. – Я мог и ошибиться... Знаете, как иногда зрение подводит в сумерках...

– В том-то и дело, что НЕ ЗНАЮ! – рявкнул Клим и быстро направился к машине. Ему захотелось домой. И как можно скорее.

По пути в Киев он заснул быстро – под тихую колыбельную мурлыкающего двигателя и под ненавязчивое мелькание придорожных огней. Он спал крепко и без сновидений, как обычно спит каждый здоровый человек, не терзаемый физической болью и тяжелыми мыслями. Единственное – прежде чем провалиться в благодатную нирвану, ему на секунду привиделись пушистые морские барашки, плавно и легко покачивающие лодку с надписью «Спасатель», и лицо ее странного хозяина – одухотворенное и светлое, похожее на старинные иконные лики из маленькой приходской церквушки, в которую Клим водили пару раз в далеком детстве. И мелодичный звук...

«Ангеле Божий, хранителю мой святой, на соблюдение мне от Бога с небес данный! Прилежно молю тя: ты мя днесь просвети, и от всякого зла сохрани, ко благому деянию настави, и на путь спасения направи. Аминь».

Глава 3

Пробуждение

Это лишь открытие того, что ты уже давно знаешь.
Ричард Бах. Иллюзии

– Доктор! Кажется, я серьезно болен! – бледный, взъерошенный и растерянный Клим сидел в кабинете Ивана Ивановича и напряженно пытался правильно сформулировать свою мысль.

– В вашей ситуации это звучит как мрачная шутка из разряда чернейшего юмора! Уж куда более серьезно... – доктор настороженно смотрел из-под толстых очков на своего пациента.

– Да я все понимаю! – нетерпеливо перебил Клим и, вскочив со стула, стал отсчитывать шаги вдоль Ивана Ивановича. – Я о другом говорю! По-моему, ко всем моим «радостям» присоединилась еще и шизофрения с глюками – галлюцинациями и видениями... Только честно, док, – такое бывает в подобных случаях? Если да, то я бы лучше предпочел эвтаназию, чем планомерное умирание в состоянии полного разлада с собственной психикой!

– Сядьте, успокойтесь и расскажите по порядку, что произошло, – Иван Иванович мягко, но уверенно усадил Клима на стул и протянул стакан воды.

– Ну и ну! – выдохнул доктор после сумбурного монолога Клима и промокнул платком раскрасневшееся лицо. – Меня не Ангел ваш беспокоит, а ваше безалаберное отношение к себе и к своей жизни! Сколько бы вам ее ни осталось (а об этом известно одному Господу Богу), вы не имеете морального права так рисковать и срывать в таком состоянии не то что в другой город, а даже в другой конец Киева! Это легкомысленное и безответственное поведение! Ну как так можно, Клим? В чужом месте и без помощи! – От возмущения полное лицо доктора еще больше побагровело. – Вот что я вам скажу! Вы остаетесь у нас и пробудете под наблюдением столько, сколько на это потребуется времени, тем более что вы и так проигнорировали начало лечения. Мы сделаем повторные анализы и проведем первый курс химиотерапии и только потом отпустим вас восвояси, но с подпиской о невыезде! Ишь, какой камикадзе! Вместо того чтобы использовать пусть последний, но шанс и бороться за жизнь, он решил начать ритуал прощания! – уже более спокойным тоном закончил доктор свой приговор.

– А вы верите в ангелов? – спросил Клим с горящими от болезненного возбуждения глазами.

– Верю! – убежденно отрезал Иван Иванович. – Верю в силу коллективного бессознательного, а еще в то, что возможности человеческого мозга даже наполовину еще не изучены. А к изучению души вообще не приступали. Не знают, с какой стороны подойти. Это значит, что шанс есть всегда. Живите, Клим, и не сдавайтесь!

* * *

Его разбудили одновременно ослепительный свет полной луны в приоткрытых оконных жалюзи, нестерпимое чувство жажды и сильное жжение в голове, напоминающее быстро разгорающийся костер. Он приподнялся на кровати – и тут же рухнул обратно. В глазах потемнело, и, как на черном экране, закружились разноцветные точки.

– Тихо, тихо, сейчас все пройдет! – чья-то мягкая рука бережно приподняла с подушки горящую голову Клима и поднесла к запекшимся губам спасительную прохладу. После нескольких глотков воды он почувствовал, как тьма постепенно уходит.

Он посмотрел по сторонам и с удивлением обнаружил, что находится не в своей палате. Комната была явно больничной, только гораздо больше и шире по размеру, чем палата; вокруг виднелась какая-то аппаратура, тускло мерцали лампочки... «Так, началось! Очередная галлюцинация – засыпал в одном месте, а проснулся – в другом! Мне сейчас только Ангела тут не хватает, чтобы продвинуться в своем сумасшествии еще на один шаг!..»

– Уже легче? – щелкнул выключатель, и свет настольной лампы отчетливо осветил фигуру в белом халате, сидящую чуть поодаль от кровати Клима за небольшим рабочим столом. – Отлично! – не дожидаясь ответа, воскликнул тот же энергичный мужской голос. – Сейчас мы сделаем легенький укольчик, примем лекарства, и утро вечера мудренее!

Медбрат или, скорее, дежурный доктор ловко подхватил со стола несколько коробочек с набором медикаментов и подошел к Климу. В отличие от всех сонных в ночное время дежурных этот был на удивление бодрым и полным сил, как будто только что сделал зарядку после долгого и здорового сна. Он доброжелательно улыбнулся и внимательно посмотрел на Клима. Взгляд очень светлых глаз был таким изучающим и пронзительным, что Клим непроизвольно почувствовал себя будто на рентгене.

– Вы дежурный врач? – спросил он, наблюдая, как доктор ловко разбивает ампулу с лекарством и вводит содержимое в шприц.

– Конечно. И не волнуйтесь – вы заснули вечером прямо на обследовании, поэтому Иван Иванович решил вас не беспокоить и не везти в палату. Так что отдыхайте пока здесь.

Боль утихла, но и спать перехотелось, и Клим ворочался на кровати, с любопытством наблюдая за дежурным врачом. Довольно молодой, он был похож на прилежного практиканта, старательно выполнявшего свою работу. Аккуратно сложив медикаменты, он поправил накрахмаленную шапочку и опять уселся за стол. Прочитал небольшую книгу, а затем живо подскочил и, мурлыкая себе под нос незамысловатый мотивчик знакомой песни, принялся энергично вырисовывать разноцветными маркерами на доске для записей, висящей на соседней стене, непонятные графики и схемы. Чертежи были из разряда физики или химии: какие-то сообщающиеся сосуды, стрелки, направления движения...

– Я не мешаю? – через плечо вдруг спросил врач, как будто почувствовав на себе пристальный взгляд Клима. – Надо срочно сделать одну работу, а другого времени на нее нет!

– Научная работа? – поинтересовался Клима.

– Что-то типа этого... – поворачиваясь к нему, рассеянно ответил врач. – Кстати, раз вам пока не спится, разрешите задать один вопрос – ну так, из серии «опрос общественного мнения».

– Да пожалуйста! – расслабленно зевнул Клима, наслаждаясь благодатным покоем после отпустившей острой боли.

– В ЧЕМ СМЫСЛ ЖИЗНИ?

– Ого! Это у вас тема такая?

Он с еще большим любопытством уставился на странного врача. «Да нет... Вроде не шутит. А вот глаза как горят – ну точно жертва науки!»

– Смысл жизни? – с запинкой ответил. – Да не знаю я! Хотя нет этого смысла вообще – каждый живет так, как ему живется!

– Я так и думал! Спасибо! – почему-то обрадовался медик и дорисовал еще одну стрелочку в своем чертеже. – Вы – типичный психотип «Я властелин – царь животных».

– В смысле? – Клима чуть приподнялся.

– В смысле «Я не знаю и не вижу смысла жизни, поэтому поступаю так, как мне хочется!». Я прав? – с улыбкой спросил врач. – Кстати, именно так живет 90 процентов всего человечества!

Климу сейчас меньше всего хотелось вступать в философские дискуссии с «маньячащим» медиком, но ему стало слегка обидно за 90 процентов человечества.

– У жизни нет иного смысла, чем борьба за выживание. Разве этого не достаточно? – добавил он.

– Ну конечно! Все та же борьба за выживание! – еще больше обрадовался чудной врач, как будто бы Клим своими простыми ответами открывал Америку. – Низайший поклон старине Дарвину за то, что ему так гениально удалось заморочить мозги не одному поколению!

– А при чем тут обезьяны? – удивился Клим. Его познания о легендарном ученом ограничивались лишь фактом эволюции развития от примата до человека.

– В том-то и дело, что ни при чем! – эмоционально воскликнул собеседник. – Дарвин явил человечеству теорию выживания, согласно которой в этом мире может выжить только сильнейший и приспособленец!

– А разве не так? – спросил Клим, почувствовавший прилив бодрости от неожиданного разговора на очевидно спорную тему; это ему всегда нравилось.

– Гипотеза Дарвина строится по системе войны – уничтожение слабого и власть силы. Но она не имеет ни конечной цели, ни своего логического завершения, кроме самоуничтожения, – чувствовалось, что заумный врач оседлал своего любимого конька. – Эволюционируя по правилу «сожри своего соседа», кто же останется на этой земле после того, как все слабейшие окажутся съеденными и уничтоженными?

– А у вас есть альтернатива? – усмехнулся Клим, предвидя, что его собеседника сейчас понесет.

И он не ошибся.

– Конечно! – воодушевленно воскликнул врач. – Это моя разработка и гипотеза, над которой я работаю тысячи лет. Единственная и очень простая в применении Система Миропостроения по Создателю, основанная на СЧАСТЬЕ как на главном смысле жизни для всех людей.

«Час от часу не легче! – в сердцах подумал Клим. – Называется, не успел заснуть! Теперь этот сумасшедший дежурный сектант уже не остановится и будет продолжать свои проповеди до самого утра. Везет мне в последнее время... Одновременно со смертным приговором на меня посыпались сплошные «предложения» о счастье!»

Он принципиально решил больше не поддерживать этот разговор и демонстративно отвернулся к стене, тем самым дав понять, что диалог закончен.

– Тем не менее, громко отнекиваясь от смысла жизни, мы все в глубине души надеемся его найти и обрести наконец долгожданный душевный покой, – как ни в чем не бывало уже ровным и спокойным голосом продолжил чудной врач. – И тут у меня все так просто: «Нате, берите свое Счастье!» – говорит Создатель. Ведь ему самому выгодно, чтобы на земном шаре было как можно больше людей, которые чаще ощущают себя счастливыми.

– В чем выгода? – не выдержал и буркнул в подушку Клим.

– А выгода состоит в том, что наша планета является специальным инкубатором душ, которые необходимы Создателю в определенном информационно-энергетическом состоянии. Но, к сожалению, так сказать, качественных попадаетея совсем немного, и Он вынужден заниматься постоянной сортировкой душ: одни – подходят, другие – на переработку, а третьи – вообще в мусорную корзину.

– Просто фабрика грез какая-то! – съязвил Клим. – И что же Он потом делает с качественным продуктом?

– А это уже не наши проблемы! – встрепенулся собеседник. – Подпитывает Вселенную чистыми энергиями, отправляет в Рай – как хотите, так и понимайте. Какая разница, что будет потом? Главное – что здесь и сейчас у людей есть возможность прожить счастливую и взаимовыгодную для вас и для Создателя жизнь. Это типичный бартерный обмен. Он нам – Счастье сейчас, а мы ему – качественные души – потом. И все от этого только выигрывают!

– Это и есть ваш спецпроект? – Клим отвернулся от стенки и кивнул на доску с нарисованными таблицами.

– Да. Схема Системы Миропостроения, – просто ответил врач, как будто бы речь шла о решении примитивной математической задачи.

– А какое это имеет отношение к медицине? Или вы это так, по совместительству?

– По совместительству! Мы все что-то совмещаем в этой жизни и порой сами не знаем, в чем заключается наш истинный выбор. Хотя к медицине это имеет прямейшее отношение. Наверняка вы знакомы с процессом деления клеток. Так вот, жизнь человечества с его системой продолжения рода – очень похожи. Если нарушается системный и «скучный» процесс правильной жизни в семье и она распадается, создавая новые семьи или не создавая... Ускоренное деление и размножение... Это очень напоминает деление клеток злокачественной опухоли. Ой, простите, наступил на больное место. А как вы себя чувствуете? – Он присел на край кровати и взял руку Клим. – Я смотрю, пульс уже в норме – это отлично! Выпейте-ка вот это, и пожалуй вам пора поспать, а то я тут заболтал вас своей философией!

«А парень на своем месте! – отметил про себя Клим, чувствуя, как исчезает легкое раздражение. – Не каждый дежурный врач будет так внимателен к пациенту, да еще в ночную смену. Видно, все «сектанты» по своей сути добрые и отзывчивые, хоть и нудные слегка».

– Так что там надо для счастья? – в знак благодарности за оказанную заботу поинтересовался Клим.

– Всего лишь выполнить три задачи: научиться самому быть счастливым, родить детей и обучить их искусству счастья, – ответил врач.

– Вы хотите сказать, что счастье заключается в рождении ребенка? А не слишком ли это просто?

– Вот именно! – хитро улыбнулся врач. – Создателем была придумана примитивнейшая технология быть счастливым даже в момент зачатия ребенка!

– Ого! Это вы о сексе? – оживился Клим.

– Конечно! Хотя я бы предпочел другое название: занятие Любовью, игра энергиями любви. Так больше подходит для разумных человеческих существ, которые способны не ограничиваться простыми животными инстинктами. Детей же научить быть счастливыми можно только на своем положительном примере. И для этого Создателю пришлось немного потрудиться и подготовить нам специальную Инструкцию, отвечающую на вопрос: «Как стать счастливым».

– И где эта инструкция по эксплуатации счастья? – Клим почувствовал новую волну интереса к странному ночному разговору, который его даже уже начал слегка веселить.

– У меня на столе, – ответил врач, пропустив мимо ушей очередную порцию иронии. – Только не по эксплуатации, а по **ВЫРАБОТКЕ СЧАСТЬЯ**.

С этими словами он протянул Климу небольшую книжку, аккуратно завернутую в плотную синюю обложку.

– Это же Новый Завет! – открыв книгу, удивился Клим.

– А что вас так удивляет?! – в свою очередь изумился ночной собеседник. – Новый Завет – это самая оптимальная инструкция, в которой еще две тысячи лет назад была поставлена новая задача человечеству по сохранению души в определенном информационно-энергетическом заряде. В моей теории – это «идеальный» заряд.

– Что значит новая?

– Перед появлением Нового Завета мир жил по старой инструкции, названной Ветхим Заветом, но там стояли несколько другие задачи, касающиеся в основном правил выживания после проведения необходимого мытья планеты.

– Это вы о Всемирном Потопе? – догадался Клим. – Но почему вы его назвали необходимым?

– Потому что это естественно. Создатель всегда организует такие «большие стирки», когда его основные задачи, поставленные перед человечеством, или успешно выполняются, или с треском проваливаются. Вы в каких отношениях с техникой?

– В общем-то в дружеских... Хорошо разбираюсь, а что?

– Тогда я тебе, – врач доверительно перешел на «ты», – как технарю объясняю. Помнишь советские аккумуляторные батареи? Когда они выходили из строя, их не выбрасывали и не покупали новые, как это делается сейчас, а вымывали, чистили и перезаряжали, после чего они работали как новенькие.

– А, понял, это Боженька так земную «батарейку» перезаряжал? Круто! Спасибо, что хоть не выбросил за ненадобностью!

– Значит, срок годности ее истек, и не нам судить дела нашего Создателя, – довольно-таки строго осадил его врач. – Ты спросил – я отвечаю: после промывания, то есть Потопа, нужно было опять заселить Землю, и желательно как можно качественнее. Вот под эту задачу и была написана первая ветхозаветная поведенческая инструкция для управления массами людей, основанная на всем известных десяти заповедях.

– А почему она отменилась?

– Она не отменилась, а трансформировалась и дополнилась новыми пунктами, в которых Создатель увидел особую необходимость. Смысл в том, что после перезарядки так называемая аккумуляторная батарея стремительно развивалась и набирала свою силу за счет природы людей. Но когда их численность достигла необходимого уровня, Создатель поставил перед ними другую качественную задачу: «Не только управляйте массами, а научитесь управлять лично собой!» То есть Новая инструкция была разработана для каждого персонально и была посвящена частным правилам жизни ДУШИ внутри тела.

– И что ты с таким умищем делаешь в этой больнице? – сказал Клим. – Ты же можешь докторскую на эту тему защитить, если, конечно, твою идею не сочтут бредовой.

– А ты как считаешь? Сочтут? – рассмеялся доктор, снимая с головы шапочку и приглаживая рукой растрепавшиеся светлые волосы.

– Ну... Не мне судить. К своему стыду, я так и не прочитал Библию, а то, что знаю, это всего лишь короткие отрывки.

– Например?

– Например... – замялся Клим. – А вот, вспомнил! «Кто не с нами, тот против нас». Это я еще с детства помню – постоянно кричали с ребятами, когда в «войну» играли.

– Как все запущено, – полушутя-полусерьезно покачал головой собеседник. – Даже дети в своих играх выкрикивают давно устаревшие ветхозаветные правила! А знаешь, что самое грустное? Вырастая, они успешно их применяют в своей взрослой жизни! Тут тебе и пересечение с теорией Дарвина: побеждает сильнейший, уничтожая живущего по правилам, счастливого человека. Рекламисты и психологи хорошо знают, что приставка «НЕ» не воспринимается человеческим мозгом. Вот и получается: «Кто с нами – тот против нас», все враги. А потом удивляетесь, почему вокруг так много измены и предательства.

– А что говорит Новая инструкция? – с любопытством спросил Клим, листая страницы Нового Завета.

– «Кто не против нас – тот с нами». Если убрать «НЕ» и подытожить все сказанное в Инструкции, можно сказать: «Даже те, кто против нас, тоже с нами», просто мы еще не успели с ними поделиться нашими знаниями. Кстати, первое, что сделал откомандированный Создателем на Землю Инструктор – он на своем примере показал эффективность новых информационно-энергетических правил...

– Инструктор – это...

– Совершенно верно! Это Инструктор – идеальный образец человека, который умеет любить и прощать. Так вот, он первым делом заменил старые ветхозаветные нормы на новые,

многие из которых до сих пор с трудом воспринимаются людьми. Еще бы! Гораздо проще воспользоваться простым и проверенным методом «Око за око и зуб за зуб», чем попытаться понять и применить на практике информационно-энергетическое правило Новой инструкции – Прощение... Сложно, правда? Лучше сразу вмазать в глаз, чем разбираться, что там две тысячи лет назад имел в виду Инструктор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.